

О возвышающей любви

К поэме Е. Г. Степанян «Рассуждения о Манон Леско»

Выступление на литературных чтениях осенью 2023 г.

...И вот, как в суфийских источниках, такая любовь, вначале самая обыкновенная, земная – и, казалось бы, даже не вполне серьезная, – перерастает в очень глубокую, преодолевает вообще материальный, «вещественный» уровень восприятия, выводит человека на высокодуховное осмысление мира и открывает суть и смысл бытия, став как бы нижней ступенькой для дальнейшего восхождения. Поэма о Лейли и Меджнуне, одна из величайших в восточной литературе, начинается тоже с такой вот любви; но в конце концов Меджнун постигает высший мир, и тот уровень, с которого начиналась его любовь, – как бы отпадает. Герой как бы уже не здесь, не в прежних отношениях и событиях пребывает, он поднялся очень высоко. Назвать ли первоначальную земную стадию такой любви трамплином для взлёта души?.. Вот, собственно, об этом и говорится в [«Рассуждении о Манон Леско»](#).

Эта поэма – маленькая, но необычайно глубокая. Она, вообще говоря, является своего рода шедевром, не побоюсь сказать, во всей русской поэзии.

Начнём с эпиграфа. Казалось бы, никакого отношения «Сон в красном тереме» к «Манон Леско» не имеет: это другие времена, другая цивилизация; казалось бы – это совсем о другом. Вот сам эпиграф:

– Это, конечно, не исторические события, – сказала Дай-юй, – но о них говорится в романах и пьесах, и все о них знают. [«Сон в красном тереме», гл. LI]

Такое полусутопливое вступление, которое ровно ничего не говорит о дальнейшем, здесь, однако же, неслучайно. Оно намекает на всеобщий – переходящий границы культур и религий – интерес человечества к теме высокой, истинной любви... Сам же текст начинается с необыкновенного духовного взлета. Первое двустопишие, затем четверостопишие – потрясающие! Вчитаемся в него:

...Разве жажда моя утолится
Этой малою каплей росы?

Но она все равно проступает

Сквозь кровавый атлас лепестка...
И невидимая рука
Эту старую повесть листает.

Далее начинается изложение событий, но не подряд, а как бы увиденных автором ретроспективно, притом уже с какой-то большой высоты: «О, какие ничтожные страсти!» Страсти, когда они господствуют над душой, не кажутся «ничтожными» – такими они видятся уже после, с большого расстояния...

Но перед этим – уже упомянутое нами совершенно необыкновенное вступление:

...Разве жажда моя утолится
Этой малою каплей росы?

К чему это вдруг? О чем это? Вот эта «малая капля росы», весь этот мир – что он может дать для утоления жажды духовной, для утоления того великого, необъятного желания высшей жизни, которое в человеке заключено?.. «Разве жажда моя утолится этой малою каплей росы?» – то есть, вот этим земным миром, всеми его страстями, всеми его поворотами судеб... Но «эта капля росы» – уже отождествляется здесь со всей историей, далее излагаемой.

Но она все равно проступает
Сквозь кровавый атлас лепестка...

Какой цветок подразумевается тут? Роза? Ведь самый известный и глубокий суфийский, да и мировой, символ любви, расцвета жизни и чувств – это именно роза. Она «кровавая», то есть смертоносная, именно потому, что красный цвет – это символ смерти; и в то же время она – образ любви. Одним цветом как бы мечены любовь и смерть:

Но она все равно проступает
Сквозь кровавый атлас лепестка...

А вода, как всем известно, – знак жизни. Но её здесь – лишь капля. И с этой маленькой капельки все начинается, начинается великое преображение душ:

И невидимая рука
Эту старую повесть листает.

Да, в нашем мире больше зла. Мистики говорят о наивысшем

мире, который над добром и злом, и там присутствует Всевышний. Далее следует мир чистого добра, ещё ниже – мир смешанный, в котором, всё же превалирует добро. А наш мир – это место, где царствуют тьма и зло, но – «свет во тьме светит, и тьма не объяла его». Свет – искорка, лучик – только вспыхивает, пробивается, а вокруг владычествует тьма.

Роза с этой капелькой, жемчужинкой, росинкой на ней – это очень глубокий символ, весьма многосторонний, и он много где встречается. Здесь открывается целый ряд ассоциаций: это и слеза, это и любовь, которая вызывает слезы, томит душу. В то же время – это чистота слезинки, жемчужинки, исходящей из чистого сердца. И автор вопрошает: «...Разве жажда моя утолится этой малою каплей росы?» – разве здесь, через это повествование, я обрету то, что ищу, то, что действительно хочу и понять, и высказать? И разве во всей этой земной жизни я найду то, к чему действительно стремится моя душа?..

И вот уже – начало самого сюжета:

О, какие ничтожные страсти!
Кавалер в потаскушку влюбился
Так, что просто рассудка лишился.
Да возможно ли это рассудком назвать?
Все-то их представленья о счастье –
Пожирнее поесть, да попить, да поспать.

Но ведь это реально так! Такое состояние сопровождает героев до самой их смерти, вернее – до того подвига, когда кавалер самоотверженно последует за своей любимой, – а следует он за ней, провожая её к смерти, сопровождая её в недолгой оставшейся жизни, отдавая всё для того, чтобы с нею быть и её не оставлять! А до этого – всё так и было: «пожирнее поесть, да попить, да поспать». Вот с этого начинается – и каких высот может достигать человеческая душа, восходя с этой низшей, ничтожной, можно сказать, животной ступени бытия! Но через что же душа возрастает? Через любовь, и только так! Ничто другое не возвышает в такой мере душу. Самодисциплина, аскеза, какие-то самоограничения – все они не могут достигнуть того, что необыкновенный порыв любви делает с человеком. Любовь – самоотдача во имя другого. Настоящая любовь – это только самоотдача...

А дальше идут разрозненные сцены из жизни героев. Вся эта небольшая поэма состоит из разрозненных сцен из «Манон Леско», вернее, из ассоциаций, воспоминаний, связанных с разными частями этого произведения, – которые перемежаются удивительными откровениями, проникновениями в сущность

самой жизни.

И вот – опять небольшой фрагмент сюжета, и опять-таки после него наступает прозрение относительно всей сущности бытия. Удивительно!

Жизнь во тьме.
Только сполохи ада
В пляске факелов,
В треске свечей над игорным столом.
А душа, словно бабочка, рада –
Наплясаться в ночи вкруг огня,
Надышаться дурманного чада –
И навеки во мрак.
И не надо ей лучшей награды.

Тут надо вдуматься. Во-первых, «жизнь во тьме» – это уже о многом говорит. Вся земная жизнь – это «жизнь во тьме». Кому повезет хотя бы искорку увидеть, а тем более – путеводящий луч?.. А так, вообще, люди живут в духовном мраке. Какие у нас есть библейские ассоциации по поводу «жизни во тьме»? Почему «тьма»? Во-первых, человек ничего не видит: «Ходят, как слепые, ощупывая стены» (Ис. 59, 10). «Стена»: духовный мир закрыт от нас, мы – как слепые котятка. И кроме того, «жизнь во тьме» – это жизнь в ненависти: «Кто ненавидит брата своего, пребывает во тьме, и во тьме ходит, и не знает, куда идет, потому что тьма ослепила ему очи» (1 Иоан. 2, 11).

Люди полны ненависти, зависти, соперничества, конкурентной борьбы и так далее. Ненависть ослепляет: «жизнь во тьме...» «Только сполохи ада в пляске факелов...» Какой-то свет как будто даже есть, какое-то веселье, кураж; но это – «сполохи ада», а не чистый свет. Это еще хуже, чем тьма: это вспыхивают злые эгоистические «сполохи ада в пляске факелов». Целые толпы идут, зажегши факелы в непроглядной ночи, «в треске свечей над игорным столом». И сразу мы переносимся в ту часть романа «Манон Леско», где изображены азартные игры, шулеры, их обманы. Кто-то кончает с собой, проигравшись до последнего гроша: карточные игры доводят до суицида... Поэтому – «сполохи ада».

Но интересно, что человеческая душа не противится всему тому, не старается выйти из этого круга индийской «сансары», повторения одних и тех же событий, всё новых рождений и смертей, – нет, душа рада этому, она счастлива пребывать в состоянии греха и смерти:

А душа, словно бабочка, рада...

Душа – «бабочка»: этот образ свойствен многим культурам, разных времён. Душа – «бабочка» или «птичка»: так её мыслит или представляет себе, вероятно, наше подсознание...

А душа, словно бабочка, рада –
Наплясаться в ночи вокруг огня,
Надышаться дурманного чада –
И навеки во мрак.
И не надо ей лучшей награды.

Большая загадка... Почему подавляющее большинство людей, или почти все (каков процент других?..) – рады вот этой жизни, не протестуют, но стараются вписаться в неё? Много ли мятежников против такой системы бытия? Посмотришь – их почти нет. И даже различные философии, религиозные системы и прочие «учения человеческие» – в конце концов в это вписываются и соглашаются. Вот ведь как: «И не надо ей лучшей награды...» Это – о душе!

И вдруг – внезапное нарушение всего этого земного, затянувшего, «закапканившего» нас строя бытия, нарушение со стороны двух душ, – казалось бы, самых обыденных, или даже «расположенных» ниже обыденности; потому что Манон Леско сама, уж простите, такая, что «негде ставить печать», да и кавалер такой же... И вот вдруг эти две души обнаруживают в себе необыкновенную тягу ввысь – удивительно! Читаем дальше:

Только, силы небесные,
Что же такое творится!
Кавалер,
Этот карточный шулер,
Бездельник и мот,
Без оглядки на каторгу
Вслед за беспутной девицей
Через весь океан
На разбитой галере плывет.

Вот почему-то наш автор решает начать с этого эпизода. Вначале он только упоминает, что некий кавалер влюбился в беспутную девицу, – и вдруг тот уже совершает какой-то подвиг во имя её!.. Ведь мы прославляем кого? Жен декабристов, которые за своими мужьями поехали на каторгу, хотя прекрасно могли бы остаться в Петербурге, где жили бы чуть ли не при дворе, нашли бы себе других поклонников или просто забылись

бы в светской суете... А они что сделали? Они совершили самопожертвование. Ради кого? Ради навсегда осужденных своих мужей. А здесь то же самое делает некий кавалер безо всякого принуждения, без каких бы то ни было внешних причин... У него нет никакой идеологии, которая бы его обязывала так поступить. Но чем он движим? Пока что безотчетной, может быть, страстью; может быть, даже уже любовью. Между любовью и страстью – «дистанция огромного размера». Страсть – это сиюминутная вспышка эгоистического желания, а любовь – это очень высокое состояние... Всё-таки, конечно, страсть была вначале. Но страсть кавалер мог удовлетворить, оставаясь на месте, – с кем-то другим, не надо было ради этого плыть за океан! Для этого уже, конечно, необходима любовь – внезапно вспыхнувшая, объявляющая его душу и неподвластная земному, превышающая его. Об этом говорится! Интересно, что он «на разбитой галере плывет». Галера, как и любое судно или корабль, – всегда метафора жизни, или души. Душа его разбита! Он потерпел уже не раз в своей жизни «кораблекрушение», и вот он плывет теперь, собрав все свои силы и направляя их к новой цели. Тут каждое слово, каждая деталь – говорящие.

И дальше следует вопрос, давайте прочитаем его:

Да откуда взялась в тебе сила такая?
(Но ведь черным по белому,
Это ж не зренья обман!)
Кавалер де Грие!
Ты у нас не герой, не святой,
Не Катрин Трубецкая!
Каково ж тебе плыть
Через весь океан!

В самом размере стиха чувствуется простор, длинные строки как бы дают развернуться и мысли, и чувству. Повествовательный стиль, неспешное изложение... «Откуда взялась в тебе сила такая?» – а действительно, ведь «ты у нас не герой, не святой...» Про героев – всё ясно, и про Катрин Трубецкую – ясно: она последовала за мужем-декабристом в страшную ссылку... А наш кавалер – он-то кто? Почему в нём вдруг явилась такая необыкновенная сила? И сила чего? Любви!

И, выходит, нисколько не нужен
Ему этот Париж,
Мельтешащий Содом.
Он совсем как тот парень,

Что ради жемчужины
Продал тачку, участок и дом.

Значит, Париж ему «выходит, нисколько не нужен»! Но он же весь вот – в этом Париже, в его суетной и отчасти преступной жизни, в жизни парижских низов, карточных шулеров, воров. Он даже с того уровня, на котором находился перед этим, – он же хотел получить духовное звание! – опустился очень низко – и всё это ради Манон! И кавалер де Грие вполне свyksя с этой обстановкой. И весь он, все его мысли, чувства, желания, – они там, где-то совсем внизу, «в парижских трущобах». Но, выходит, Париж «нисколько не нужен...» – в человеке таится нечто гораздо более высокое чем «Париж, мельтешащий Содом»! В общем-то, верно: большой европейский город – это Содом, город полного эгоизма, абсолютного замыкания каждого в своих нуждах и желаниях.

И дальше – конечно, нарочито сатирически – пересказывается притча Евангелия. Слово «парень» снижает, стиль притчи: ведь в ней описан купец, который охотился за драгоценными жемчужинами. А тут – «парень»! «Как тот парень, что ради жемчужины продал тачку, участок и дом»: в притче сказано, что он продал все, что имел. Ну, а с точки зрения простого человека, – что он мог иметь? Сначала тачку он продаёт, потом некое владение – «участок», и наконец, дом. Здесь все приспособлено к восприятию самых простых, «низовых» слушателей. «Совсем как тот парень» – полагаю, очень удачное выражение. «Тачка» – в современном жаргоне это «машина». Но это для современных людей, в те времена не было машин. Так что не берусь судить о действительном значении этого слова здесь. В те времена была реальная тачка, на которой камни возили. «Тачка, участок и дом». Здесь нужно было именно так сказать – исходя из уровня главных героев.

Ну, допустим, проявился высокий полёт души, зажглась высокая любовь. Но, казалось бы, она должна была и направиться к более возвышенному объекту, к более высокой человеческой душе – допустим, к какой-то более достойной, благородной даме. Но ведь не к такой вот девице, как Манон! И поэтому задаётся вопрос:

Но при чем же здесь девка бесстыжая –
Только знает глазами моргать! –
Та жемчужина – истина высшая,
Для нее-то живем мы,
Только ею и дышим,
Жаль, что нечего нам продавать!

«Нечего нам продавать...» Оказывается, мы живем и дышим ради той драгоценной «жемчужины – истины высшей»! Но «мы» – это уже не кавалер и не Манон; здесь «мы» – автор и люди, понимающие его, стремящиеся к духовному! И «при чём же здесь девка бесстыжая»? А оказывается, согласно всему дальнейшему повествованию, что высочайший взлет к истине может начаться с любви, которая другого человека принимает, независимо от уровня его. Тут великая тайна! Та самая капля, проступающая сквозь лепесток розы, о которой сказано в начале поэмы, – в ней и живёт уже эта тайна. Тайна связи душ, взаимно тянущихся друг к другу, из которых вторая только позже осознаёт свою любовь. Кавалер-то – он сразу целиком предан, он верен, он не предает; а Манон очень долго не понимает саму себя, очень долго не принимает своих чувств и остаётся всё такой же, как бы пресмыкается, бултыхается на низшей шкале сознания и бытия. И вдруг – с этой нижней ступени – она тоже взлетает, любовью де Грие как бы поднятая, подхваченная ввысь, возвышенная. Это весьма удивительно...

Но при чем же здесь девка бесстыжая –
Только знает глазами моргать! –
Та жемчужина – истина высшая,
Для нее-то живем мы,
Только ею и дышим,
Жаль, что нечего нам продавать!

Её, эту жемчужину-истину, не купишь, даже если продашь и тачку, и дом... Мне кажется, как раз здесь главный узел – не сюжетный, но смысловой узел поэмы. Какое отношение имеет любовь какой-то бесстыжей девки, находящейся в самом низу не только духовной, но даже и социальной лестницы, – к высшему полёту, к экстазу, к возвышению души? Оказывается, – имеет... И в этом весь смысл. Кажется, патриарх Сергей сказал, что «не может никто пасть так низко, чтобы не мог он дотянуться до неба...»

Теперь повествование внезапно переходит к собственным воспоминаниям автора, к жизни его знакомых, окружающих. И тут чередование тем – очень странное. Вообще говоря, в этой поэме соединяются несопрягаемые вещи. Какое отношение к сюжету имеют жизнь автора, его друзей – всего того поколения советской послевоенной эпохи? Однако же переход осуществляется очень свободно и в то же время весьма логично:

У живущих по высшим законам

Очень часто с финансами туго –
Мы не делим харчи с Вавилоном,
Мы взаимно презрели друг друга.

О ком идет речь? О «живущих по высшим законам», то есть об искателях Истины. Но разве же Манон Леско и кавалер к такому относятся? Разве они жили «по высшим законам?» Да ничего более противоположного нельзя найти! Их образ жизни, а следовательно, и мышление – кардинально противоположны каким бы то ни было духовным исканиям. Но вот ведь «у живущих по высшим законам очень часто с финансами туго» – и вдруг там такая параллель: у них ведь «туго» было с финансами... Значит, сама судьба, сама жизнь их как бы «выталкивала наверх» из этой бездны. Но оказывается, что «проблемы с финансами» – это завязка самого романа «Манон Леско», вернее, одна из завязок: герои его здесь искали заработок, там искали, не могли найти, опускались все ниже, вплоть до самопродажи и всего такого... И оказывается, что когда «туго с финансами» – это может вести к возвышению души! Один древний суфийский мастер говорил так: «чем богаче человек – тем более его засасывает бездна, потому что тяжело золото – тянет ко дну. Чем меньше его, тем скорее вытолкнет к небесам!»

Далее по тексту тоже фигурирует местоимение «мы» – оно встречалось неоднократно уже ранее, например, при беседе о «жемчужине»:

Для нее-то живем мы,
Только ею и дышим,
Жаль, что нечего нам продавать!

Автор здесь не отходит от себя самого, от своей жизни и не пускается в философские отвлеченные рассуждения, а себя как бы вписывает в сюжет поэмы:

Мы не делим харчи с Вавилоном,
Мы взаимно презрели друг друга.

И хотя довольно саркастически это сказано, но совершенно верно! «Вавилон» – наш мир, падший мир, который, согласно Апокалипсису Иоанна, поит всех из «золотой чаши». «Вавилонская блудница» поит, народ пьет вино и безумствует; «мерзостью» своей она опаивает всех, опьяняет, отводит от Бога. А что такое «делить харчи с Вавилоном»? Видимо, как раз пить из её чаши золотой и безумствовать. «Мы взаимно

презрели друг друга» – это о ком? О тех кругах советской интеллигенции, которые были отринуты государством, жили очень бедно, скудно, но не продавали душу, не шли на сговор с властью. «Мы не делим харчи с Вавилоном» – то есть, нам не дают ни кусочка, нас не кормят из кормушки, из которой прикармливают прочих.

Переход неожиданный! Такое шествие по эпохам, именам, идеям – характерно для нашей небольшой поэмы. Например, вдруг упоминается философ Бёме:

Был сапожником некогда Бёме,
Жизнь он прожил сравнительно мирно.
Но в двадцатом столетье-дурдоме
Всё схватили гигантские фирмы.
И в тисках обувной индустрии
Вольным пташкам приходится круто.

Как мы жили в советской России,
Сторожа академинституты!

Бёме – это великий немецкий мистик, которому открывались тайны высших миров. Он действительно был сапожником – как Спиноза, скажем, был ювелиром. А душа его воспаряла в высшие сферы!.. Он был таким мистиком-каббалистом, который проникал в тайны мироздания, – самостоятельно, почти ничего, кроме Библии и, может, ещё одной-двух книг, не читая. Душа его была очень «проникновенной», проникающей в высокие тайны. Почему же он упоминается здесь, и почему тема обуви, «обувной индустрии», а также танца – проходит сквозь всю эту строфу? Давайте подумаем об этом.

«Был сапожником некогда Бёме...» Это был век, когда, может быть, впервые со времен католической инквизиции, – не преследовали таких мыслителей-одиночек, находивших свою дорогу в Богопознании. «Был сапожником некогда Бёме, жизнь он прожил сравнительно мирно...» – его никто «не тягал» в какой-нибудь трибунал, преследовавший инакомыслящих. «Но в двадцатом столетье-дурдоме (столетье уподоблено «дурдому»!) всё схватили гигантские фирмы». Тут параллель: как тогда правила католическая церковь или монархи, так теперь всем заправляет – кто? Миллиардеры, монополии, гигантские фирмы. То есть, если бы Бёме выступил «в двадцатом столетии», – то ему бы плохо пришлось, его бы еще как «прижали...»

И далее – вывод:

И в тисках обувной индустрии
вольным пташкам приходится круто.

«Обувная индустрия» – почему такой образ? И почему «сапожник»? Бёме был самостоятельным сапожником, и никто ему не мешал. Теперь же царит «обувная индустрия», то есть, все должны носить модные, «извне навязанные», всем «прописанные» ботинки: что это значит? Ноги скованы! Что такое «ноги»? Ты должен не только носить определенную обувь, но и идти определенным путем. А «вольным пташкам приходится круто» – тем, кто не вписывается в социальные условия. Этот поэтический образ, соединяющий «через обувь» средневекового мыслителя Бёме с современным миром, очень интересен! Сказанное выше рифмуется с последним двустихием:

И в тисках обувной индустрии
Вольным пташкам приходится круто.

Как мы жили в советской России,
Сторожа академинституты!

Сразу опять про «нас», опять «мы», своего рода мыслители, подобные Бёме, самостоятельно ищущие Истину «вольные пташки». И единственное место, которое уделялось этим «вольным пташкам» в советской России, – это место... стóрожа! Не зря упомянуты «академинституты», и далее автор по этим самым академикам прохаживается, не понаслышке зная, «как мы жили... сторожа академинституты»!

Дальше образ этой жизни рисуется детальнее:

Трое суток, как ветер, кружиться,
Разглагольствовать о нирване.
На четвертые – развалиться
В проходной на протертом диване

(Съездив к ангелам в гости без визы,
Дабы скрасить свой скромный досуг)
И с блаженной улыбкою, снизу,
Созерцать докторов лженаук.

То есть, перебиваясь ремеслом сторожа, человек на самом деле «кружился» – общался со сверстниками, единомышленниками. К сторожам приходили друзья, с ними «пировали», рассуждали на разные интересные темы. «Трое

суток, как ветер, кружиться, разглагольствовать о нирване» – кажется, лучшего эквивалента всех этих разглагольствований не найти! О чем? «О нирване». Экзотично, духовно... И лишь «на четвертые [сутки] развалиться в проходной на протертом диване».

Каких же «лженаук» доктора здесь подразумеваются? Науки-то были марксистские, которые историю партии описывали, а не физику с химией...

Рассказ продолжается:

Крепкий чай из стаканов граненых,
Черный хлеб, увлажненный горчицей, –
Это трапеза посвященных,
И не каждый ее причастится.

Заметьте, понятие «трапезы» у нас уже было – в строке: «Мы не делим харчи с Вавилоном». Вместо этих «харчей Вавилонских», полагающихся за продажу души, предоставляется описанная выше «трапеза». Кстати, то, что здесь упомянуто, в те времена нередко выдавалось бесплатно. Например, в институтах, университетах, в студенческих столовых можно было бесплатно хлеб брать, дармовая горчица стояла, и можно было задарма наливать чай без сахара из большого бака. А в МГУ – ещё лучше: там стояла бочка с бесплатной квашеной капустой. Это вполне доступно для всякого было: «это трапеза посвященных, и не каждый ее причастится...»

Теперь еще одна строфа, очень важная:

Вот заветнейший миг наступает –
Как морозная ночь хороша! –
Други-ангелы снег отряхают,
И горит, не сгорая, душа!

Прекрасно сказано! «Заветнейший миг» – это приходят те самые друзья, общаясь с которыми человек находит утешение, наслаждение. Морозная ночь, на дежурство приходят к сторожу. «други-ангелы» – те, которых он прежде посещал:

(Съездив к ангелам в гости без визы,
Дабы скрасить свой скромный досуг).

Кто же эти «ангелы»? Вы думаете – небесные существа? Нет, просто чистые души, такие же студенты, не совсем бесприютные, но – «малоприветные». И уж точно –

несистемные. Они «ангелы» по своей искренности, по чистоте, по всей жизни своей. «Други-ангелы снег отряхают», – так ведь не скажешь о небесных существах, – «И горит, не сгорая, душа!»

А кстати, «сторож» – что же он охраняет? Культуру, духовность, тщательно теснимую, а то и «забываемую-забываемую» властями?!

И вдруг от этого описания советского быта автор опять возвращается к основному сюжету. Совершается новый перелёт через времена и пространства – опять к кавалеру и его к этому моменту покинувшей наш мир возлюбленной:

В небе яблонькой райской заря расцветает...
Ну а где-то,
В глуши непроглядных времен,
Кавалер де Грие
Безутешно рыдает
Над своей дорогой Манон.

И холодное тело хранит очертанья
Той души, напоенной огнем,
Чья цена равнозначна цене мироздания,
И которой,
Как нас уверяют преданья,
Обладать можно только вдвоем.

Здесь мы уже переходим к каким-то необыкновенным, высшим темам, которые не исчерпываются словом и на которые может быть дан только намек.

И какой переход от темы к теме! «И горит, не сгорая, душа!» Вот, проснулся утром сторож-студент в своём институте, в котельной: «В небе яблонькой райской заря расцветает...» Времена советские, ещё есть какие-то гонения, ограничения – разумеется, уже не сталинские репрессии, а брежневская такая сдержанность по отношению к диссидентам. «В небе яблонькой райской заря расцветает...» – какое счастье! Нет ни рабства, ни инквизиции, ни особых гонений за веру, мнение или слово... Прекрасно! Кусок хлеба с горчицей и чай – всегда есть...

Но внезапно мы вновь оказываемся там – во временах де-Грие и Манон. И прикасаемся к глубочайшим, жутким тайнам мироздания – к прохождению через смерть, к уходу из этой жизни. Наконец-то кавалер понимает, что он утратил, кого он утратил. А что – как вы думаете – он потерял? – Часть своей души! Тут приходит к нему высокое прозрение: что он переживал не какую-то страсть, не какую-то «мирскую» любовь, но – истинное, величайшее единение душ!.. «В небе

яблонькой райской заря расцветает...» А вслед – чтобы оттенить это счастье студенческой советской жизни, чтобы противопоставить ей страшную истину бытия:

Ну а где-то,
В глуши непроглядных времен,
Кавалер де Грие безутешно рыдает
Над своей дорогою Манон.

Если бы мы до этого не поговорили о сюжете в целом, то и не поняли бы, о чём речь. В поэме выхватываются какие-то фрагменты сюжета, которые и сопоставляются чисто ассоциативно... Далее следуют пронзительные строки:

И холодное тело хранит очертанья
Той души, напоенной огнем,
Чья цена равноценна цене мирозданья...

Сколь великие слова! Оказывается, человеческая душа – вне зависимости от того, какую ведет жизнь на Земле, пусть даже на самых низких волнах и уровнях, – любая душа «равноценна цене мирозданья»! В одном иудейском древнем источнике сказано: «Кто спасает одну душу, тот спас как бы весь мир, и кто губит одну душу, то как бы губит весь мир». Итак, душа – равноценна вселенной! А остальное: ее время жизни, возраст, пол, занятия и то, чего она достигла в этой жизни, – всё это второстепенно в сравнении с главным фактом: её абсолютной бесценностью! Суфии говорят, что если драгоценный камень упадёт в грязь, то он не потеряет своей ценности. Стоит его поднять, помыть – и он засверкает. А булыжник, даже если положить его на царский престол, – всё равно ничего стоить не будет. Душа – и есть тот самый драгоценный камень!..

...В конце строфы содержатся откровения еще более высокого порядка. О душе далее говорится:

...И которой, как нас уверяют преданья,
Обладать можно только вдвоем.

Сказанное восходит к очень глубоким и древнейшим представлениям человечества, к основным мифологемам нашего над-сознания! Уже в Древнем Египте почиталось божество по имени Хнум, с бараньими рогами, которое вылепило человека на гончарном колесе-круге. Вылепило оно двух первых людей. Поэтому у каждого человека есть «двойник». Человек не одинок, он обладает «двойником». То же

представление у Платона дано в виде мифа, изложенного в его «Пире». Согласно ему, первые люди были двуедиными. Существовало три вида таких существ: в одном были соединены мужчина и женщина, во втором двое мужчин, в третьем – две женщины. Потом люди согрешили перед богами, то есть разрубили каждую пару надвое. И вот с тех пор разделённые части друг друга ищут по всему свету. В древнем Египте, откуда, наверно, это предание пришло (а может, из Индии или из Междуречья, Атлантиды и т. п.), – уже там и тогда оно пребывало в глубине не только мифологии, но и сознания человека. И в нашей поэме этот мир воскресает. Конечно, и здесь речь идёт не о двуедином теле. На самом деле тут представлено глубоко эзотерическое предание о единстве душ-«двойников». Особенно эта тема «двойников» развита в древнеегипетской литературе. Из неё становится яснее и библейское описание того, как фараон передал Иосифу свой перстень, назначив его «вторым после себя»: фараон узнал в нём своего «двойника»!

Но в нашей поэме изложен тот вариант мифологемы, по которому единой душой могут обладать мужчина и женщина: Манон Леско и её кавалер. И вот к этому пониманию кавалер пришёл, восходя от самых низших ступеней – до самых вершин познания. Хотя ни о каких умственных движениях, ни о каких философских откровениях здесь речь не идет. Де Грие не обладал ни в какой мере интеллектуальным потенциалом. А вот любовь вознесла его эту высоту! А она, сама Манон, поняла ли что-либо? Получается – да! Ведь душа знает гораздо больше, чем ум. «Обладать можно только вдвоём»... Значит, утратив эту единую душу, де Грие лишился части самого себя!..

Как известно, Бог сотворил человека по образу и подобию Своему, и об этом сказано: «Мужчиной и женщиной сотворил их». Тут как бы тоже содержится учение об андрогине. В Талмуде говорится: потом был рассечен человек. То, что описано, как извлечение Евы из ребра Адама, – это рассечение первозданного человека.

Итак, двое вместе обладают этой высшей душой. Она в них, а когда кавалер лишается Манон, общая благодать уже не сходит на него. Прежнего уже нет.

Об этом здесь сказано кратко, очень впечатляюще и однозначно:

И холодное тело хранит очертанья
Той души, напоенной огнем,
Чья цена равнозначна цене мирозданья,
И которой,

Как нас уверяют преданья,
Обладать можно только вдвоем.

И далее – итог: ведь, в общем-то, мы в поэме как бы прошлись по сюжету вкратце и теперь готовы к выводам.

Итак, двое обладают единой высшей душой. Она в них, и когда лишается кавалер своей Манон, благодать удаляется – уходит то, чем «обладать можно только вдвоем».

Теперь задает автор вопрос – вполне логичный:

Но когда же такое случилось,
Где отыщешь, в анналах каких,
Чтоб позорная жизнь увенчалась
Смертью чистой, как ризы святых?

Когда же такое случилось? Обычно «чистая смерть», иногда мученическая, иногда, как говорят мудрецы, «смерть от божественного поцелуя», – это удел или награда праведников. Бог берет душу «через поцелуй». Но чтобы «позорная жизнь увенчалась смертью чистой, как ризы святых», – такого не бывает, ни в каких анналах такого не найдёшь. Смерть – это итог и результат жизни, и в чём-то она отражает прожитую жизнь. О чьей же смерти говорится здесь? О смерти Манон. Кавалер де Грие еще жив. Но он как бы вместе с нею умирает, его душа уходит вместе с любимой. Они единую смерть переживают – разлуку, это «смерть чистая, как ризы святых».

Как это объяснить? Что такого с ними произошло? Прямого ответа нет в нашей небольшой поэме. Какое же восхождение они совершили и что такое познали? Что душа «равноценна цене мироздания» и «только вдвоем» можно обладать этой душой? Как они дошли до такого уровня познания и существования? А ведь жизнь их была «позорной» почти до последнего момента – когда, кажется, она немножко «улучшилась», слегка «очистилась»; но сказать, чтобы она преобразилась, – нельзя. Все выходят замуж, женятся. Ничего особо возвышенного в этом нет. А тут вдруг – взлёт совершенно небывалый, необыкновенный! Кавалер последовал за Манон, это достойный поступок. Она откликнулась на его чувство, решила стать его супругой. Но во всём этом нет особого взлёта; это, в лучшем случае, восхождение с низшего – на средний уровень. А здесь говорится о великом полёте душ, о восприятии высшей истины! Как же они достигли такого?

Давайте прочитаем вопрос, направленный автором к своим героям:

Де Грие и Манон!
Вы должны нам ответить.
Разрешите сомненья, что мучают нас:
Неужели возможен
Между жизнью и смертью
Вопиющий такой диссонанс?

Неужели возможно, чтобы «жизнь позорная» (автор говорит с точки зрения духовного человека) – и вдруг, вслед за ней, – «смерть чистая, как ризы святых»?

Есть ли в нашей поэме ответ? Иначе говоря, можно ли «из грязи» подняться «в князи», притом мгновенно так вознестись? Но вспомним библейское: «Из праха возвышает Он нищего, из брения поднимает убогого, чтобы посадить с вельможами земли, и Престол славы уделает ему...» (I Цар. 2, 8)! До престола Божьей славы человек поднимается «из брения» (грязи)! Как же это может быть? И благодаря чему происходит?

И далее всё же даётся ответ на вопрос о «вопиющем диссонансе» между позорно прожитой жизнью – и «смертью святых». Иначе говоря – о возвышении до высших миров, до постижения Божественной тайны, – возвышении буквально с нуля, с самого низшего уровня. Ответ даётся очень непростой. Давайте его поищем в заключительных строфах:

– Между ними такое бывает,
Что смутится рассудок иной:
Леденцовой сосулькою тает,
Восковою свечой оплывает
И единственной жизнью себя почитает
Смертный сон в колыбели земной.

Тут даётся ответ – казалось бы, нелогичный, совсем неожиданный, стоящий словно бы поперёк всего, что люди обычно принимают и обсуждают, поперёк всего даже вышеизложенного.

«Между ними» – это между жизнью и смертью, упомянутыми выше. «Такое бывает, что смутится рассудок иной»; мне кажется, что не «иной», а любой рассудок смутится от следующих слов и образов: «Леденцовой сосулькою тает, восковою свечой оплывает» – о чём это? «Сосулька», «восковая свеча» – тают и исчезают. Это – образы жизни человеческой. Душа горит, даёт огонь, и чем сильнее она горит, тем быстрее тратится, исчезает воск – «тает» земное наше естество:

Леденцовой сосулькою тает,

Восковой свечой оплывает
И единственной жизнью себя почитает
Смертный сон в колыбели земной.

Вот здесь некий ответ уже дан – не явно, но метафорически. Что здесь сказано? Что мы, живя здесь на Земле, на самом деле спим «смертным сном в земной колыбели». Почему ребёнок спит в колыбели? Что потом с ним будет? Он вырастет, будет ходить. Что же с нашей душой потом произойдёт – с той, которая ныне спит «смертным сном»? Где предназначено «ходить» – обитать нам, когда пробудимся? В высших мирах! По сравнению с их интенсивностью, с их духовностью – наша земная жизнь и есть «смертный сон в колыбели земной». И притом ещё этот самый сон почитает себя единственной жизнью. Большинство людей думает, что никакого иного существования нет и быть не может...

Читаем далее:

Прожигатели жизни про это
Догадались при самом рожденья
И не станут свои же мученья
Продлевать хитроумной диетой.

Переход здесь – снова сатирический. Кто такие «прожигатели жизни»? Ведь это – герои поэмы, кавалер де Грие и Манон! Прежде они и не поднимались с этого уровня. О чём же они «догадались»? О том, что земная жизнь – нечто призрачное, преходящее, и потому не стоит больших усилий... «И не станут свои же мученья...» – какие мученья? – В конечном итоге, почти все жизненные переживания. – «...Продлевать хитроумной диетой». Поэтому они плюют на себя, пьют, едят, наркотики принимают... Иначе говоря – они чувствуют эфемерность этой земной жизни и несерьёзно, наплевательски к ней относятся, получается так.

Но неужто в этих словах дан ответ на вопрос: почему между жизнью и смертью «вопиющий такой диссонанс»? Неужели возможно прожить позорную жизнь, а потом – «взлететь»? И осознать, что душа равна по цене Вселенной и этой душой можно «обладать можно только вдвоём»?

Но посмотрим далее:

Наши радости – с привкусом яда,
В нашей дерзости – горечь бессилья.
За собою не помним вины,
И не надо

Ждать, чтоб мы у кого-то
Снисхожденья просили.

Говорит ли это автор от себя или же – от имени своих героев? «Наши радости – с привкусом яда, в нашей дерзости – горечь бессилья...» А отчего люди дерзят и преступают все границы? Разве не от бессилия? «За собою не помним вины...» Конечно, учение церковное, библейское нам о «вине» – первородном грехе – напоминает; сами-то мы этой вины за собою не помним... Поэтому – и не надо ждать, чтоб мы у кого-то «снисхожденья просили».

Кстати, в самом романе «Манон Леско» тема веры – если и есть, то подана лишь прикосновенно, маргинально. Да, де Грие хотел сделать духовную карьеру; однако как только он встретил Манон – сразу на всё остальное наплевал. Надо сказать – это чисто суфийский мотив. Суфийский мастер учил своих последователей благонравию. Но едва он влюбился, – мигом скинул с себя ветошь и отправился в христианскую страну, из которой происходила его возлюбленная. Там он принял христианство, чтобы быть с объектом своей любви. И нисколько не держался даже за внешне-обрядовый ислам. А у Хафиза есть такие строки (перевод Д. Щедровицкого):

Наставник наш вчера в таверну переселился из мечети.
Ну как же нам, друзья по вере, теперь и жить на белом свете?

Куда направить наши лица, какой святыне поклониться?
Коль сам отец ушёл в таверну, то где ж молиться будут дети?

Шейха суфийского все стыдили, позорили: как он мог оставить свою общину учеников и предаться любви и винопитию?!.. Вопрос задается такой: если учитель перешёл в кабак из мечети, – то что же станут делать ученики?.. И ответ: отбросить всё внешнее – и предаться истинной любви! Ведь вино – символ любовного экстаза, направленного к Богу.

И здесь, в нашей поэме – нечто подобное. Да, кавалер хотел стать богословом, учёным. Но как только он почувствовал любовь, он отбросил свои планы и предпочёл будущей славе – позор. К богословию любви он не испытывал, были там серьёзные рациональные рассуждения... «И не надо ждать, чтоб мы у кого-то снисхожденья просили...» – это очень интересный подход!

А далее в поэме следует вывод опять ошеломляющий:

Так созвездья за нас рассудили,
Под которыми мы рождены,
И скопление звёздной пыли
Излучает чадающие сны.

И вот тут мы находим как бы уже полное разоблачение земной жизни. «Так созвездья за нас рассудили, под которыми мы рождены» – это уже астрология. – «И скопление звёздной пыли излучает чадающие сны». Кстати, здесь наблюдается интересная звукопись, основанная на гласных: «излучает», «чадающие...» Но что же такое наша жизнь – с точки зрения того, что здесь написано? – «Чадающие сны», которые излучаются высшими силами – «созвездиями». Во сне мы видим всё то, что происходит в земном бытии. Мы находимся под властью «созвездий», которые «за нас рассудили». «Чадающие сны» – что это? Вот ведь выше сказано, что мы созерцаем «смертный сон в колыбели земной». И вот мы в этом «сне смертном» видим «чадающие сны» и почитаем это единственной жизнью. Взгляд автора – сосредоточенный, пристальный, не особенно радостный. Разоблачение, но не нас – разоблачение самого процесса жизни! Не мы виноваты, и не надо, чтобы мы у кого-то «снисхождения просили». Такой гностический взгляд. Это определённый угол зрения, который предлагает автор и с которого предлагает нам взглянуть.

Далее говорится уже о том, кто «проснётся» в своей земной колыбели. Это слегка напоминает происходящее в известном фильме «Матрица», хотя поэма написана задолго до появления фильма. Люди ходят, разговаривают, вступают в брак; а на самом деле они где находятся? А потом одному человеку, которого избирают, чтобы просветить, – показывают, что происходит на самом деле. На Земле была катастрофа и только часть человечества осталась. И какие-то силы людей посадили в котлы, отключили их сознание, навеяв сны. Им кажется, что они ходят, действуют и так далее, – на самом деле ими управляют машины, демоны...

А если кто проснется? Давайте прочитаем:

Если кто ненароком проснется,
Все равно соскользает на заданный путь.
И единственный шанс остается –
Выше этих созвездий рвануть!

Ничего себе! «Если кто ненароком проснётся...»
Существует духовное пробуждение, философское познание –

«Всё равно соскользает на заданный путь». В этой звукописи («за-за»: «соскользает» – «заданный») словно бы заложено какое-то падение: «пробуждение» наше не настоящее, кажущееся, гностическое озарение, божественный экстаз... Но любое из этих состояний – временное. Человек воспламеняется от поэзии, от музыки: вдруг душа взлетит – какие стихи, какая музыка! А потом снова засасывает быт, приевшиеся мысли, опасения: «всё равно соскользает на заданный путь...» Книга Экклезиаста вопрошает: каков же шанс у человека, что же ему остаётся, есть ли хоть какая-то надежда, если всё ходит по кругу?..

И единственный шанс остается –
Выше этих созвездий рвануть!

Чтобы в нас не успели вцепиться
Разъярённые Гончие Псы....

Значит, вся земная юдоль длится под властью и волшебным воздействием вот этих колдующих созвездий! Здесь – чисто гностический взгляд. Единственное, чем можно спастись, – это «рвануть» выше этих созвездий. И опять просторечие: «рвануть...» «Давайте-ка рванем куда-нибудь...» Просторечная лексика используется здесь наряду с весьма возвышенной: это очень удачный приём, позволяющий по-особому соотнести земное с небесным...

Гончие Псы – это созвездие. Поэма содержит гностическую мысль о том, что есть силы, возвращающие человека силком в наш мир, «спускающие» его обратно на Землю, «ловящие» душу. Правят всем звезды, которые хотят нас схватить и сбросить вниз, чтобы мы вновь здесь оказались и родились в телах. «Чтобы в нас не успели вцепиться разъяренные Гончие Псы!» В тех гностических Евангелиях, которые найдены в Наг-Хаммади в Египте (некоторые из них, однако, были известны со средневековых времён), говорится так: душа поднимется после оставления тела в небеса. Но между Божественным, высшим миром и Землёй – находятся Архонты: это стражи, начальники звёздных систем. И они задают провокационный вопрос: «Ты кто»? И что нужно ответить? – «А я Иван Иванович, слесарь второго разряда из города Николаева». – «Ну, в таком случае возвращайся, рождайся заново – и стремись получить следующий разряд. Вниз!..»

«Чтобы в нас не успели вцепиться разъяренные Гончие Псы!» Ты вышел из тела – неужели ты и теперь не понял, что ты никакой не Иван Иванович, ни из какого ни города, никакой

не слесарь!? Моя мама, блаженной памяти, когда мы с ней бывали на кладбище, смеялась, читая надписи. Там было написано: такой-то, академик сельскохозяйственной академии. И она говорила: «Какой же он академик, если он покойник?» Человек умер – и всё ещё остается в заблуждении, будто он академик... Человек, уходя из тела, оставляет вместе с телом свою профессию, имя, родословие, статус, адрес и так далее. Но всё равно не может осознать, что он – дух, временно обитавший в теле в определенном пространстве и времени...

А каков же правильный ответ? – «Выше этих созвездий рвануть!» Что же это такое? Мне кажется, тут разгадка всего: замысла и смысла нашей поэмы. Как сумели Манон и её кавалер «рвануть выше звёзд» с самой низшей ступени? Какова эта разгадка? Архонты вопрошают: «Ты кто?» – ответы варьируются. В одном гностическом тексте ответ звучит так: «я – это ты». И тогда душа получает силу, отождествившись с Архонтом, «пройти сквозь него» в горние высоты! В другом тексте говорится так: «И вы тогда скажите, каждый из вас: “Я – сын Света, рожденный там, где Свет рождает самого себя!” То есть, я – дух, происходящий из высшего духовного мира, сын, частица того самого Света, который – надо всем!» И тогда Архонты не смогут вас удержать!

Что же случилось с кавалером и Манон, как они с помощью любви, которая их вознесла ввысь, вдруг поняли высшую Истину и умерли смертью святых после позорной земной жизни? Поняли, что душа имеет цену всего мироздания, и что они только вдвоем, соединяясь в любви, обладают этой душой? И вот их пропустили в горние высоты!

И здесь повторение первых строк поэмы:

Разве жажда моя утолится
Этой малою каплей росы...

С чего началось – тем и кончается. Разве весь этот мир – своей «малой каплей росы», слезинкой, жемчужинкой – может утолить жажду бессмертной нашей души? Разве можно здесь найти удовлетворение или успокоение? Поэтически всё это безусловно, прекрасно, звучит на грани экстаза!

И единственный шанс остается –
Выше этих созвездий рвануть!
Чтобы в нас не успели вцепиться
Разъяренные Гончие Псы!

Разве жажда моя утолится

Этой малою каплей росы...

И вот – заключительные две строфы:

Небо-небо! О как же ты страстно
Любишь нас,
Наши речки-пруды!
Как твои отраженья прекрасны
В зеркалах этой кроткой воды!

А потом, с наступлением ночи,
На тебя бы глядеть да глядеть,
Целовать твои звездные очи
И бессмертной надеждой владеть.

Конечно, здесь в образе и под видом «неба» выступает вышний мир, по которому наша душа тоскует. «Небо-небо! О как же ты страстно любишь нас, наши речки-пруды!» Тут Бог прямо не упоминается, Он назван описательно, как, впрочем, и положено в некоторых традициях, – «Небо». В самом романе «Манон Леско» мало говорится о Боге. Ведь с внешней религией порывает сам герой – из любви к своей Манон: как мы помним, он бросает свою богословскую деятельность. Небо обладает не какой-то бесстрастной сущностью, оно любит, потому что это Бог. «О как же ты страстно любишь нас», – а значит, Ему хочется, чтобы мы хоть в чём-то уподобились героям поэмы, почувствовали любовь.

Но вот почему же «любишь нас, наши речки-пруды»? Мы сами являемся «чашами», «прудами», Бог в нас отражается, мы по образу Его созданы, поэтому Он нас так любит, созерцая Своё отражение в нас...

Небо-небо! О как же ты страстно
Любишь нас,
Наши речки-пруды!
Как твои отраженья прекрасны
В зеркалах этой кроткой воды!

А почему «кроткой»? Когда на воде нет ряби, то отражения целостны, прекрасны; а когда волнение, то они дробятся, искажаются. И в нашей душе, когда мы кротки, предаёмся созерцанию, от злых страстей избавляемся, – в нас отражается Божий Лик. У Тютчева есть, такой образ: в конце времен «всё сущее опять покроют воды, и Божий лик изобразится в них». Бог, когда Дух Его парил над водами в начале бытия, – как бы

отражался в этих водах...

Так же Он – и в душе отражается. Итак, Небо любит нас, потому что оно отражается в нас...

И вот – ещё одна, последняя строфа:

А потом, с наступлением ночи,
На тебя бы глядеть да глядеть,
Целовать твои звездные очи
И бессмертной надеждой владеть.

Эти же звёзды, Архонты, когда глубока наша вера в Бога, становятся звёздными очами Неба. Когда ты полон веры, любви – тогда эти самые страшные стражи, которые «чадающие сны» на нас напускают, становятся для тебя «очами» Неба и теряют свои ужасающие свойства. «Целовать твои звёздные очи и бессмертной надеждой владеть». Удивительная звукопись с тремя «э» и повторяющимся слогом «де»!

В чём же «бессмертная надежда»? Манон умерла, кавалер горько рыдает... В чём же надежда после такой трагедии – вечной разлуки любящих? «И один только шанс остается – выше этих созвездий рвануть!» – вот в чём бессмертная надежда! Пока мы на низшем уровне, пока мы себя целиком отождествляем с телом и земной жизнью, – нет у нас никакой надежды... Но когда мы осознаем цену души и то, что человек может составлять со своим ближним таинственное единство в любви, – тогда бессмертная надежда сбывается!..

Наша поэма, по своей глубине и поэтичности, думаю, стоит целых томов философских рассуждений. Концепция истинной любви, преодолевающей грех и смерть, гениально выражена в этой поэме...